

Урожайный Детский

Наталья Александрова

ШАГ

В ВЕЗДУ

Наталья Николаевна Александрова
Шаг в бездну
Серия «Детектив-любитель Надежда Лебедева»

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152845
Александрова Н. Шаг в бездну: роман: АСТ, АСТ Москва, Харвест; М.; 2009
ISBN 978-5-17-047782-1

Аннотация

Размеренная жизнь тихого НИИ нарушена трагедией: покончила с собой молодая лаборантка Марина... Самоубийство ли это? Одной смертью дело не ограничилось, и только вмешательство Надежды Лебедевой прерывает цепочку преступлений.

Книга также издавалась под названием «Убей меня нежно».

Наталья Александрова

Шаг в бездну

Автобус был набит, как всегда. На повороте Надежда ухитрилась взглянуть на часы. Две минуты до остановки, если не будем стоять на перекрестке, три минуты бегом до проходной. Успеваем впритык. А, наплевать, даже если и опоздаю, все равно с ноябрьским повышением пролетела. С привычным раздражением она вспомнила последний разговор с начальником: «Вы извините меня, Надежда Николаевна, я сейчас никак не могу рекомендовать вас на повышение оклада, мы с вами так мало работаем вместе, что я не могу дать точную характеристику вашей трудовой деятельности...» и так далее, не повышая голоса. Зануда!

Толпа выпала из автобуса и рванула вперед. Предъявляя пропуск, Надежда взглянула на табло в проходной: 11 ноября, понедельник, ровно 8.15. Праздники кончились.

В лаборатории все как обычно. Полякова выкрасилась в рыжий цвет. Сороковников молчит, в стену смотрит, видно перепил, как всегда, в праздник. Надежда развернула на столе схемы и потянулась к зазвонившему местному телефону.

– Девочки, у вас все на месте? Что-то ваша Марина ничего не сообщает.

Марина была лаборанткой, в ее обязанности входило каждое утро звонить в отдел кадров и сообщать, сколько народу по списку присутствует на работе, сколько отсутствует и по какой причине. Надежда оглянулась. Стол Марины был девственно чист. Похоже, что опять Маринка проспала, если бы заболела, позвонила бы заранее. Ну доиграется девочка!

Она приоткрыла дверь кабинета начальника. Дверь была символическая, потому что кабинетом служил отгороженный стеклянной стеной кусок комнаты.

– Сан Саныч, доброе утро, Марина не звонила? Нужно в отдел кадров сообщить.

Начальник поднял голову. Надежда в который раз удивилась возникшему в ней чувству неприязни. Ведь вроде ничего плохого он ей не сделал, но голос, жесты – все раздражает.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна, с Мариной я разберусь, а вам вынужден напомнить, что в восемь пятнадцать вы должны быть не в проходной, а на рабочем месте. Странно, что за двадцать лет работы на режимном предприятии вы не привыкли к дисциплине.

Надежда отвернулась и пожала плечами. Умеет же человек наживать себе врагов!

Она села за стол и задумалась. Работает новый начальник у них всего несколько месяцев, а уже успел всех против себя настроить. И требования его вроде бы все справедливые, и в работе соображает, а не только ценные указания дает, но трудно с ним. Она, Надежда, характер имеет спокойный, независимый, это все признают, звезд с неба не хватает, но по своей должности старшего инженера любую работу может выполнить, за двадцать лет всему тут научилась. И с работы не летит, сломя голову каждый день, как другие, кто по магазинам, кто в садик. Отбегалась, слава Богу. Дочка Алена замужем и сама скоро мамой станет. Так и то у нее с начальником все время конфликты. А других так прямо трясет от него. Коллектив женский, мужиков всего трое, да и те ни рыба ни мясо. Прежний начальник умел с ними ладить, жаль, что на пенсию ушел. А этого назначили неожиданно откуда-то со стороны. В первый же день вездесущая Полякова принесла все сплетни. Будто бы живет с семьей, но жена умерла два года назад; обещали ему вроде бы место начальника отдела, но потом взяли какого-то блатного и помоложе, а этого к нам и сунули. Лет ему под пятьдесят, пускай спокойно до пенсии дорабатывает. Если все так, обидно ему, конечно, вот и придирается.

Опять зазвонил телефон. Вот черт, не отвяжутся теперь из отдела кадров! Она посмотрела за стекло. Начальник разговаривал по городскому телефону. Вид имеет хмурый, значит, Маринка опять проспала и просит отгул, которых у нее никогда не бывало. Ни в колхозе, ни на овощебазе ее сроду не увидишь.

Скрипнула дверь кабинета. Начальник стоял на пороге какой-то желтый. Печень у него, что ли? Тогда не ел бы всякую гадость в нашей столовой, а пил бы чай на рабочем месте, как все. Он оперся рукой на Надеждин стол и повернулся лицом ко всем.

– Я сейчас разговаривал с отцом Марины. Она умерла. Уже несколько дней. Из-за праздников мы не знали...

– А когда похороны? – в полной тишине спросила Полякова.

– Еще не ясно. Там следствие идет.

Он ссутулился и вышел. Все подавленно молчали. Потом мужчины потянулись на выход покурить, женщины заахали, запричитали. Начались долгие разговоры, кто Мариночку последний раз когда видел, да кто о чем с ней говорил, да ах какая молодая, девятнадцать лет всего! Прибегали из соседних комнат, все начиналось заново. Надежда в этих разговорах не участвовала, закрылась осциллографом, пытаюсь работать.

Марину у них не любили за вызывающий вид, модные тряпки, острый язычок. Та же Полякова вечно шипела: «Скажите, как у нас лаборантка одевается, с каких это, интересно, денег?»

Марина в ответ не стеснялась высказывать, что она обо всех думает, а в последний месяц вообще со всеми переругалась, даже с Надеждой схлестнулась пару раз. А когда в соседнем отделе у конструкторов сапоги продавали, и Маринка их перехватила у Поляковой, они вообще в туалете чуть не подрались.

Работала Марина у них несколько месяцев, образования никакого, кроме десяти классов, не имела, учиться не собиралась и в дальнейшие свои планы никого не посвящала.

Надежда прислушалась. Полякова, сделав скорбное выражение лица, разговаривала по телефону, потом после обеда выпросила в профкоме машину и отбыла к родителям Марины выбирать фотографию для некролога. Пришел начальник, разогнал посторонних. Сотрудники разбрелись по рабочим местам, часа три было тихо, а потом вернулась Полякова и одним духом выложила все, что ей удалось узнать дома у Марины. Родителей расспрашивать она все-таки постеснялась, но удачно застала там милиционера в штатском, который пришел снимать показания. На нетактичное замечание Поляковой, что, мол, в праздник милиция тоже отдыхает, он строго ответил, что в праздник милиция как раз работает, и дел хватает, а самоубийца и подождать может, ей уже все равно. Правда, это он добавил, когда они уже вышли на лестницу. Дальше он рассказал, что нашли тело (он так и выразился) седьмого ноября, днем, в заброшенном доме где-то у Сенной площади. Дом пустили на капремонт, огородили забором, да так и оставили. После демонстрации народ расходился по домам, шли толпой мужики с завода. Было холодно, мужички согревались весь день то водочкой, то бормотухой, а туалеты, как водится в праздник, закрыты, вот они и полезли через дырку в заборе пописать. А там во дворе как увидели тело (!), так про все позабыли и со страху с воплями бежать пустились. А так как милиции все-таки в праздник на улице много, то их сразу и сцапали, но поскольку к трупу они не приближались, то подержали до приезда опергруппы и отпустили. А врач установил, что девушка упала не меньше чем с седьмого этажа накануне вечером и, поскольку несчастный случай исключили (что ей было делать ночью на крыше заброшенного дома), а кошелек, песцовая шапка и золотые сережки были на месте, то начальство, не долго думая, распорядилось считать это самоубийством, пока, до вскрытия. Видно было, что Поляковой доставляет огромное удовольствие произносить эти слова с двойным «р»: трруп, опергруппа, вскрытие.

Когда вышли на улицу, то, увидев профкомовскую машину, словоохотливый опер ожил, собрался было ехать с Поляковой в институт, но по дороге передумал – позвонил из автомата, спросил Леночку – и попросил высадить его у дома тридцать пять по Среднеохтинскому, но шофер Иван Иванович к дому его не подвез, высадил у лужи на перекрестке, и

всю дорогу ворчал, что рабочий день кончается, бензин государственный, а ментов по бабам развозить он не нанимался.

Далее выяснилось, однако, что шустрый мент хоть и болтал не в меру, но и от Поляковой успел вызнать немало: и где Мариночка работала, и как к ней относились в коллективе, и не было ли у нее неприятностей в последнее время. И Полякова быстренько ему выложила, что все, в общем, к Мариночке относились ничего себе, а вот с начальником новым у нее были трения, и даже вот как раз шестого числа перед праздниками случился у них скандал в кабинете, там он на нее кричал, а потом Марина выбежала вся в слезах и больше ее в тот день никто не видел.

Тут Полякова остановилась передохнуть. Коллектив молчал, обалдевший от сведений. «Дура она или притворяется?» – подумала Надежда.

– И зачем ты это сделала? – не выдержал кто-то из мужчин. – Зачем столько лишнего наболтала?

Полякова сделала круглые глаза.

– Ну как же, меня же оперуполномоченный спрашивал, я же должна ему правду говорить!

«Притворяется», – решила Надежда.

Тут вступила Пелагея Никитична. Она работала в институте с незапамятных времен, вечно жаловалась на болезни, каждый год собиралась на пенсию, но почему-то не уходила, и по праздникам, ударившись в воспоминания, рассказывала, что сейчас-то работать – это что, а вот раньше, когда на госиспытания выходили, аппаратуру сутками настраивали, и вот тут стояли раскладушки, и все сотрудники на них по очереди спали. После этого она начинала рассказывать, что это сейчас она, конечно, немолодая, а раньше была так очень даже ничего себе, и прежний начальник, Николай Иванович, часто на нее заглядывался.

– Понятно теперь, почему вы так часто про раскладушки вспоминаете, – как-то сдуру ляпнула Надежда, и с тех пор отношения с Пелагеей были безнадежно испорчены.

– А ведь и правда, – запела Пелагея, – ведь здорово он кричал, уволить обещал, да в чем там дело-то было? Надя, ты близко сидишь, неужели ничето-таки не слышала?

– Не имею привычки, – начала было Надежда, но тут вошел начальник.

– Похороны в четверг, – тихо сказал он.

Следующий день прошел в унылых хлопотах, начальника все время куда-то вызывали: то в дирекцию, то некролог редактировать, то в партком, как будто если партком не разрешит, то человека и не похоронят. Полякова собирала деньги на венок с надписью: «От товарищей по работе», шушукалась с Пелагеей и создавала общественное мнение. Зато в среду она влетела в комнату, запыхавшись.

– Нашему-то повестка пришла из милиции, только он еще не знает!

– А ты-то откуда знаешь?

– А Наташка из канцелярии сказала, повестка не на домашний адрес пришла, а на наш. Начальник показался в дверях кабинета, похоже, что все слышал.

– Татьяна Павловна, – обратился он к Поляковой, – я вас попрошу временно взять на себя обязанности Марины, мы не можем остаться без лаборантки.

– Почему я? – взвилась Полякова.

– Потому что вы загружены меньше остальных.

Это было верно. Заставить Полякову работать было невозможно. Единственное, что она умела, это печатать на машинке двумя пальцами.

– Я не буду, – уперлась Полякова.

– Это решено, не будем пререкаться. Мерзкая баба встала в проходе руки в боки и вдруг визгливо заорала:

– А если будем пререкаться, тогда что? Доведете меня, как Марину?

Все оторопели. Начальник достал платок, подозрительно чистый для одинокого мужчины, как машинально отметила Надежда, вытер пот со лба и вышел. Полякова торжествующе оглядела всех.

– Вы видели? Сразу перетрусил!

– Да он просто обалдел от такого нахальства, – сказала Надежда.

– А что ты за него все время заступаешься, кто он тебе?

– Да отвязись ты, – вяло отругнулась Надежда и задумалась.

Не нравится ей все это. Ну кричал он на Маринку шестого, это верно. Если честно, здорово орал. Как это? «Если это повторится, вы здесь больше не работаете!» Чем же она его так достала? Держалась нагло, хамила в ответ, по интонации понятно было. А потом выскочила, лицо руками закрыто, и убежала. И никто ее не видел больше, кроме Надежды. Потому что после обеда всех начальников вызвали на инструктаж: как двери на праздник запечатывать, а когда слух прошел, что в проходной стали раньше выпускать, все и сорвались. И Надежда с ними, но по дороге спохватилась, что опять перчатки оставила в столе, хорошо хоть за проходную не выскочила. Вернулась она и кого увидела? Маринка по телефону разговаривала, вся накрашена, причесана, духами французскими на всю комнату пахнет; Надежда еще подумала, что вот как с гуся вода. А Маринка на нее так зыркнула, что, мол, шляются тут.

А телефон-то рядом. Куда Надежде было деваться? Она подошла и стала перчатки искать. И слышен был в трубке мужской голос. Да и так ясно, что Маринка на свидание собралась. Что она говорила? «Да, сейчас выхожу. Да, за углом». А телефон-то местный. Значит, либо ее в проходной ждали, либо это кто-то с работы. И что же это получается? Значит, ушла она после работы на свидание, гуляла там и все такое, а потом вспомнила, что ее начальник утром отругал, пошла и бросилась с седьмого этажа? Да по ней за версту видно было, что забыла она напрочь весь утренний сыр-бор и на начальника ей глубоко плевать! Как она его обозвала? Старый козел! Ну это уж чересчур! Приставал он к ней, что ли? С трудом верится.

Начальник, как сыч, сидел в кабинете весь день. В лаборатории было тихо, только дамы что-то бормотали про похороны. К вечеру Надежда решила. Дождавшись, когда все ушли, она постучала в дверь кабинета.

– Можно войти?

Он поднял голову, и она впервые заметила, что он очень плохо выглядит. Болезненно худой, глаза запали, эта желтизна. Определенно, у него печень нездорова. А может, освещение неудачное тут?

– Слушаю вас, Надежда Николаевна, хотя рабочий день уже кончился, – сухо сказал он.

– Вот именно, рабочий день уже кончился, и мы можем поговорить по-человечески.

– Ну и что же вы мне хотите сказать по-человечески? – без тени улыбки спросил он.

Надежда мгновенно разозлилась.

– Вы мне несимпатичны. Я не испытываю к вам жалости и не лезу с сочувствием. Это чтобы все было ясно. Но я должна вам сказать, что не верю в то, что это вы довели Марину до самоубийства. Не потому, что вы такой хороший, а потому, что я не верю, чтобы здоровая красивая молодая девушка в наше время вдруг покончила жизнь самоубийством из-за конфликта с начальником. Тем более, Марина. У меня создалось впечатление, что все, связанное с работой, ей было безразлично.

– Позвольте спросить, на чем основана ваша уверенность?

– Пожалуйста.

Она рассказала ему, что увидела Маринку перед уходом с работы и куда, по ее мнению, та направлялась. Он вертел в руках какую-то бумажку. Так и есть: повестка. Лебедев А. А., явиться 15-го ноября к 10.00 в комнату такую-то и т. д. Послезавтра, значит, после похорон.

Быстро же поляковская информация сработала. А может, просто так вызывают, для отчетности.

– Они там, в милиции, знают, что шестого у вас скандал был, – осторожно сказала Надежда. Он помолчал.

– Я, наверное, не должен был себе позволять. Но я застал ее, когда она рылась у меня в столе. А я с детства, знаете ли, этого не терплю.

– А что же ей там было нужно? – с изумлением спросила Надежда.

– Конечно, ничего личного я там не держу. Но вот в папке были протоколы, приказы о повышении для всего отделения, я не успел отдать в дирекцию и убрал в стол. Зачем ей это? Так рисковать!

– Но ведь она, по-моему, не очень расстроилась.

– Совсем не расстроилась. Отвечала мне очень зло, обозвала даже.

– А чем все кончилось?

– А ничем. Она вдруг руками так рот закрыла, как будто ее тошнит и убежала.

– Тошнит? – переспросила Надежда. – Тошнит... Курить бросила, нервозность эта ее жуткая... Не было ли у нее неприятностей по этой части?

Он взглянул с недоумением.

– По какой части?

– Господи, да по женской же. И как это наши тетki не догадались!

Она подбежала к Марининому столу и открыла нижний ящик.

– Что вы ищете?

– Вот, старые увольнительные. Марина не была аккуратной, но за увольнительными следила. Сотрудники пробивали время на увольнительных в проходной, когда надо было уйти пораньше, потом эти бумажки оставались в отделе режима, а потом надо было их забирать и подклеивать в специальную книжку. И если какая-то увольнительная терялась, всех ожидали большие неприятности от режимников: и начальника лаборатории, и лаборантку, и того бедолагу, чья увольнительная.

– Зачем все это? – спросил начальник.

– Ну, Сан Саныч, вы хоть и мужчина, но были женаты и дети у вас есть, так что должны понять. Вот почувствовала девушка, что у нее что-то не то, вернее, чего-то нет. Прошло время, и подозрения ее усилились. И идет она куда?

– К врачу.

– Правильно, в женскую консультацию. Это, если ей срочно нужно удостовериться, беременна она или нет, чтобы срок не пропустить. А если она замуж собирается и ребенка родить хочет, то она нарочно в консультацию попозже пойдет, потому что, во-первых, с замужними там совсем другой разговор, а во-вторых, чем позже пойдешь, тем больше декрет дадут, такая уж у нас система. Так вот, мы сейчас и посмотрим: вот Маринины увольнительные за последний месяц. Вот сначала вечером она ушла в 16.00, а потом два раза утром позже пришла.

– Так она, может, проспала?

– Нет, вот видите, она заранее, с вечера их пробила.

– И что это значит?

– А это значит, что направили ее на сдачу анализов, а они, как известно, с утра. Моча, кровь из пальца, из вены на сахар, на К\У. У вас брали когда-нибудь кровь на К\У?

– Нет вроде бы.

– А у беременных женщин три раза берут. Это реакция Вассермана, на сифилис.

– Ну и ну!

– Так вот, смотрим, пятого числа последняя увольнительная. Вы ее пятого с утра куда не посылали?

– Да я вообще ее никуда не посылал!

– Значит, по личному делу она ходила. Теперь смотрите: анализы действительно десять дней. Если за это время к врачу не пойдешь и направление не получишь, сдавай все по новой. Пять плюс десять получается пятнадцатое число, а сегодня у нас тринадцатое, шестого она к врачу не могла пойти, анализ еще не готов, потом праздники. Дайте-ка мне справочник телефонный, у вас есть.

Он протянул ей справочник.

– Так, Марина жила на Охте, вот районная консультация, улица Стахановцев, дом 27. Надежда схватила телефонную трубку.

– Ах нет, отсюда нельзя звонить. Вы вообще-то домой собираетесь?

– Да вот, сидел тут, думал, идти ли завтра на похороны и что в милиции говорить.

– На похороны обязательно идти, а в милиции ничего не говорить, лишнего то есть... ох, простите, что я с вами в таком тоне, – спохватилась Надежда.

– Что вы, спасибо, что со мной поговорили, а то я уже сам начал думать, что это я ее довел.

– Если бы вы подольше в нашем гадюшнике поварились, вы бы уверились, что сами ее с седьмого этажа столкнули... О Господи! Человек ведь умер, а мы так о ней...

В регистратуре женской консультации раздался телефонный звонок.

– Скажите, пожалуйста, Заневский, 22, какой врач принимает?

Регистраторша Зоя Семеновна посмотрела в расписание.

– Доктор Васильева, сегодня она была в утро, а завтра в вечер, с двух до восьми.

– Ой, не вешайте трубку, я вас очень попрошу, я сдавала анализы пятого, а после праздников заходила, они куда-то делись у вас, мне за направлением. Вы не посмотрите, нашлись ли они? Моя фамилия Киселева.

Зоя Семеновна нашла нужную папку.

– Киселева М. Е.?

– Да, Марина Евгеньевна.

– Тут ваши анализы и никуда они не терялись. Если хотите к врачу, то на завтра записи уже нет, запишу только на пятнадцатое в одиннадцать.

– Спасибо большое, я приду. Надежда повесила трубку.

– Вот видите, Сан Саныч, все правильно, была она там.

– Думаете, она из-за этого с крыши бросилась?

– Не знаю, не знаю... Не она первая, бывает всякое. Даже если и бросил ее парень, ну обругают, конечно, в консультации, а все равно направление на аборт обязаны дать, а в больнице страшно, противно, но все-таки не смертельно. А то, что она вовремя в консультацию пошла, говорит о том, что головы она не потеряла. Знаете что, Сан Саныч, поручите-ка мне Марину замещать. Я стол ее разберу и вообще...

– Хорошо, хотя использовать вас на такой работе нерационально.

– Ну, спасибо за комплимент. А теперь всего доброго, вон мой автобус.

Зоя Семеновна собралась домой, напоследок оглядела записи на столе под стеклом и ахнула.

– Батюшки, у Васильевой-то в пятницу диспансерный день, приема нет, а я к ней людей записываю! Так, ну тут народу немного, две беременные, еще раз придут, у них время есть, еще одна на больничном, а вот недавно записала женщину, как ее, Киселева, сказала, что она за направлением, а десять дней у нее пятнадцатого кончаются. Ой как нехорошо вышло! Как бы ей сообщить, чтобы пришла четырнадцатого, я бы ей дополнительный номерок дала.

Она нашла карточку, так, Киселева М. Е., домашний адрес, телефон. Какой год рождения, девятнадцать лет всего? А по голосу-то не скажешь. И, конечно, вот записано: не замужем. Попробовать позвонить, что ли?

Она набрала номер. Ответил мужской голос, отец, наверно.

– Можно Марину попросить?

– А кто ее спрашивает? – настороженный какой голос.

– А ее что, дома нет? Я тогда попозже позвоню. Она когда обычно приходит?

– Она уже никогда не придет, умерла она.

– Как умерла, – растерялась Зоя. – Сегодня?

– Почему сегодня? Шестого ноября умерла, до праздников еще.

– До праздников?!!

– А кто ее спрашивает-то, – заволновался голос, – вы кто?

– Это из женской консультации говорят, – машинально ответила Зоя Семеновна и повесила трубку.

На шум выглянули сестрички из бокса.

– Что случилось, Зоя Семеновна?

– Ой, девочки, я женщину на прием записала, а она умерла.

– Ну и что, все бывает.

– Да как же так, ведь она шестого числа умерла, а я с ней сегодня говорила.

– Ну, вы даете, Зоя Семеновна, бред какой-то.

– Да вот же, запись на пятнадцатое, Киселева М. Е.

– Ой, ужас какой, с того света!

– Не знаю, девочки, с того или с этого, а неприятности у меня точно будут.

Хоронили на Северном. Сначала долго ждали автобуса у проходной, потом ехали в морг, потом в морге ждали, когда вынесут. Шел дождь, потом дождь со снегом. На кладбище потащились по грязи в самый дальний конец, потом долго смотрели, как роют могилу.

Зонтик уже не спасал, ноги тоже сразу промокли. Надежда с тоской смотрела по сторонам. Вот тетки какие-то суетятся в черных платочках, родственницы, наверно. А родители все молчат, друг за друга держатся. Нет у Марины ни братьев, ни сестер, вот горе-то. А гроб так и не открыли. Что там смотреть, когда с седьмого этажа головой вниз на асфальт. Рассказывали, когда отец опознавать ездил, как увидел, так сразу в морге в обморок упал. А вон молодежь стоит толпой, одноклассники. Ребята по сторонам смотрят, девочки кучкой. А одна, глядите-ка, плачет. Подружка, видно, близкая. Кажется, Олей зовут. Страшненькая такая девчушка, незаметная, одета скромно. Даже странно, что Маринка с ней дружила. Хотя, может быть, с такой-то она как раз и делилась. А с работы, кроме нашей лаборатории, никого, видно, не было там у Марины друзей. Начальник стоит в стороне без зонтика и без шапки. Хоть бы подошел, не выделялся, а то и так уже родственники косятся.

В сапоге хлюпнуло. О Господи, когда же это кончится!

Наконец, все венки и цветы были уложены, народ потянулся к выходу. Надежда поравнялась с заплаканной Олей.

– Оленька, извините меня, я с Мариной работы. Вы, я так понимаю, близкая ее подруга?

– С первого класса, – всхлипнула Оля.

– У меня к вам просьба. Я на этой неделе буду Марины вещи разбирать, там остались какие-то мелочи – книжки, фотографии, мне к родителям как-то неудобно обращаться, может быть, я бы вам это передала? А вы потом сами решите, что родителям отдать, а что себе на память оставить. Вы работаете?

– Работаю и учусь в ЛИТМО на вечернем.

– Так я вам позвоню и встречу как-нибудь после работы. Давайте ваш телефон.

Стеснительная Оля не смогла отказать.

В пятницу до обеда обсуждали похороны. Полякова с Пелагеей, конечно, и на поминки потащились, перезнакомились со всеми родственниками и Бог знает, что там наболтали.

Между прочим, рассказали, что отец к концу сильно опьянел, плакал, говорил о каком-то звонке из консультации в среду вечером, и что когда он в пятницу туда пошел выяснять, что там с Мариночкой было, они там с ним и разговаривать не стали: мы, мол, справок не даем. Так он этого так не оставит, в прокуратуру пойдет, если милиция не поможет; а дальше они ушли, потому что он совсем разбушевался.

После обеда начальник вернулся из милиции. Подошел к Надеждиному столу, постоял, посмотрел на умиравшую от любопытства Полякову, пожал плечами и вышел. Надежда выждала три минуты, взяла грязную посуду, оставшуюся после одиннадцатичасового чая, и тоже вышла. Начальник стоял в коридоре у стенда «Наши достижения» и внимательно читал прошлогоднюю статью о научной организации труда.

– Ну что, Сан Саныч? Как там дела?

– Да ничего пока. Следователь спокойный, не въедливый. Вопросы задавал чисто формальные.

– А насчет ссоры шестого числа?

– Я рассказал все, как было. Да, застал ее в кабинете, да, ругал, за дело. Я начальник, имею право.

Из двери выглянула Полякова, посмотрела подозрительно.

– Сан Саныч, возьмите мой телефон в журнале и, если будет необходимость, позвоните мне в выходные.

– А вы – мне.

Надо же, он, оказывается, улыбаться умеет!

Полякова заглянула в туалет, остановилась у раковины.

– Надь, ну что там в милиции?

– Понятия не имею!

– А что он сказал-то тебе?

– Сказал, что депремирует тебя на пятьдесят процентов за хамство начальнику!

В выходные начальник не позвонил, и Надежда решила не навязываться. В понедельник с утра она занялась лаборантскими делами: заполнила табель, требования на комплектующие, потом позвонили антенщики насчет задания, потом – из первого отдела, потом – из расчетного, и к вечеру от этой беготни она совершенно ошалела, так что смогла заняться Марининым столом только во вторник.

Так, в этой половине все по работе: увольнительные, бланки на табель, папки, инвентаризация, ведомости; порядка, конечно, нет, но разобраться можно. А в этой – личные Маринины вещи: чашка, щипцы для завивки, туфли. Это все надо Оле отдать. Вот в ящике карандаши, ручки, зеркалец три штуки, пинцет, чтобы брови выщипывать, сережка серебряная, недорогая, одна почему-то. Потеряла где-то вторую. Аскорбиновая кислота в таблетках – понятно, тошнило беднягу сильно на втором месяце. А вот – надо же! – туалетная вода для мужчин, французская, коробка не распечатана. В подарок, наверное, кому-то приготовила, но не отцу же! Тоже надо отдать, не выбрасывать же такую дорогую. Книжки какие-то, учебник английского. Надежда заглянула, нет ли штампа. Нет, не из нашей библиотеки, значит, надо отдать. Вот в последнем ящике документы: профсоюзный билет, комсомольский, фотографий пачка, вот школьные еще – Надежда узнала Олю, вот летние на даче. Кто же тут Маринкин хахаль-то? Нет, не то все, ребята там все молодые, почти мальчишки, а Маринка искала себе кого пошикарней. Может, женатый кто у нее был? Да, вот еще записная книжка и ключ какой-то.

Надежда пролиставила записную книжку. Фамилии, еще в школе записанные детским почерком, – что тут найдешь? А ключ от дома, что ли? Вряд ли. Ключ обычный, от французского замка, кто же в наше время входную дверь на один французский замок запирает? У них в лаборатории похожий замок, так, когда дверь случайно захлопнулась, Стас-меха-

ник этот замок простой шпилькой открыл. Ненужный какой-то ключ. И надо кончать с этим бараклом, и так себя уже мародером чувствуешь. Надежда собрала вещи в пакет, документы завернула отдельно, все мелочи сунула в ящик с карандашами, рука не поднимается выбросить, потом, когда уж сорок дней пройдет.

Евгений Петрович Киселев заглянул в дверь:

– Можно?

Следователь поднял голову от бумаг:

– Я вас вызывал?

– Нет, но я узнать...

– А, Киселев, потерпевший. Что вы хотите?

– Узнать хочу, как дело движется, когда вы мне скажете, кто дочку мою убил.

– Ну, гражданин Киселев, об убийстве и речи не было, думали самоубийство, да и то...

Следователь с сомнением покрутил головой.

– Так ведь начальник ее...

– Ну, что начальник, что начальник? Допросил я его, ну отругал он ее утром! Кстати, за дело, если не врет. – Следователь вздохнул. – Да если бы все, кого начальство ругает, с крыши бы сгали, у нас и народу бы никого не осталось, в транспорте бы свободней стало.

– Так ведь нет на свете дочки-то!!!

– Ты погоди, – следователь заглянул в дело, – ты погоди, Евгений Петрович.

Следователь был родом из-под Вышнего Волочка, и после первых двух фраз начинал называть собеседника на «ты». Разумеется, на вышестоящее начальство это не распространялось.

– Ты мне вот что скажи: установлено, что ушла она с работы не позже четырех, а врач сразу же определил, что смерть наступила от семи до одиннадцати. Где она три часа была и с кем?

– Не знаю.

– А не могла она, – следователь помялся, – ну предпраздничный день, компания веселая, выпили там, а потом она... ну оступилась случайно и...

– Да не пила она по помойкам! Вам бы только дело закрыть!

– Спокойно, гражданин Киселев. От вскрытия ведь вы отказались? Вот ваша подпись.

– Этого вскрытия две недели ждать. А хоронить когда?

– Значит, ничем помочь следствию вы не можете? Тогда идите, гражданин, и не мешайте работать. Когда будут новости, вам сообщат.

Евгений Петрович вышел на улицу, прошел немного под дождем.

– Сволочи! Сами нарочно со вскрытием тянут, чтобы родственники отказались, возиться не хотят.

Он вспомнил, что так и не сказал следователю о телефонном звонке, и как его отфутолили в консультации. Он повернул назад.

– Ну погоди, гнида очкастая! Через прокурора с тобой разговаривать будем!

В среду Надежда позвонила Оле на работу и договорилась встретиться с ней на «Горьковской» перед вечерними занятиями в ЛИТМО.

– Здравствуйте, Оля, простите, что отнимаю у вас время.

Худенькая, незаметная девочка, с Маринкой ничего общего, а вот, дружили с первого класса.

– Пойдемте в «Лотос», выпьем кофе. Скажите, – начала Надежда, – вы часто с Мариной виделись?

– Последнее время реже, а в этом месяце совсем не встречались.

Так, значит, Марина не говорила ей ничего про беременность.

– А на похоронах это все одноклассники были?

– Да, ребята из школы.

«Воспитанная девочка, – подумала Надежда, – будь на ее месте Маринка, царствие небесное, давно бы меня подальше послала с моими расспросами».

Оля продолжала:

– Она в школе другая была, училась всегда хорошо, все ей легко давалось. А потом как-то изменилась, как-то захотела всего сразу. Мне говорила: будешь мучиться шесть лет, глаза портить, а кем потом станешь? У нас, говорит, таких идиотов полный институт: мужики железки паяют, бабы бумажки переключивают. Ох, простите!

– Ничего, я понимаю. Наверно, не очень лестно она о нас о всех отзывалась.

Оля промолчала.

– А как же она собиралась свою жизнь устраивать? Учиться, я так понимаю, она не хотела. Может быть, она замуж собиралась? Молодые люди за ней ухаживали?

– В школе за ней много бегали, а потом она всех отшила, сопляками называла. Она говорила, кто-то у нее на работе был. Там какие-то сложности, она говорила, если выгорит, она сразу жизнь свою устроит: и машина будет, и квартира, и деньги. Он и так ее на машине возил. Она говорила: лучше один раз рискнуть, все на карту поставить, чем всю жизнь, как ее родители, лямку тянуть, хотя родители ее очень любили и никогда ничего для нее не жалели.

– А она не могла немного преувеличивать, скажем так?

– Вообще-то, она прихвастнуть любила, но со мной нет. Я ей не соперница!

– Да вы умница, Оленька! Оля опустила голову.

– Зачем она это сделала?

– Что, с седьмого этажа бросилась? Скажите, Оля, а вы сами-то в это верите?

– Но ведь говорили, что начальник ваш...

«Ну, Полякова, зараза, и тут успела!» – это про себя, а вслух Надежда ничего не сказала и стала прощаться.

А назавтра начальнику позвонили и срочно вызвали к следователю. К вечеру он на работу не вернулся. Дома Надежда ждала звонка, не дождалась, стирала, потом залезла под душ, и тут-то зазвонил телефон. «Не пойду», – сонно подумала она, блаженствуя под теплыми струями, но почему-то сама не поняла, как оказалась в коридоре у телефона.

– Надежда Николаевна, это Лебедев. – Голос какой-то полузадушенный, наверное, из автомата звонит. – Я бы хотел с вами поговорить.

– А вы где находитесь, Сан Саныч?

– Да я тут, у вашего метро. Если не поздно, мы бы могли тут встретиться.

Надежда посмотрела на лужу у ее ног на полу.

– Нет, Сан Саныч, заходите лучше ко мне.

– Да нет, неудобно, поздно уже, ваши домашние...

– Заходите, заходите, у меня сейчас из домашних один кот. От метро пройдите наискосок между домами, тут сразу на углу мой дом, квартира 104.

Надежда заметалась по квартире, распахивая барахло по углам. Бейсик бросался под ноги и наступал на полы халата. Через десять минут раздался звонок в дверь. Он стоял на пороге без шапки, мокрые волосы прилипли ко лбу, глаза блестели.

– 3-3-д-д-равствуйте.

Господи помилуй, да он выпивши! Только этого ей не хватало, на ночь глядя.

– Проходите, раздевайтесь, да вы весь мокрый. Хотите чаю?

– Да, пожалуйста, – ответил он как-то рассеянно.

Бейсик вышел в коридор знакомиться. Сан Саныч наклонился расшнуровать ботинки, пошатнулся и оперся рукой о стену. Бейсик отскочил боком, выгнув спину и вопросительно взглянул на Надежду: «Кто это еще к тебе притащился? Натоптал в прихожей и не только не похвалил милого котика, но, похоже, вообще меня не заметил».

«Да, Бейсинька, влипли мы с тобой», – подумала Надежда.

Сан Саныч сел на стул в кухне и прикрыл глаза. Ставя перед ним чашку с чаем, Надежда незаметно принялась.

– Вы не думайте, я не пьян. Только голова очень болит, и свет глаза режет.

Надежде стало стыдно. Может, у него с сердцем плохо. Бледный весь какой-то.

– Я был в милиции, вернее, теперь в другом месте. Там следователь другой... другая.

Они узнали, что Марина беременна была, и так она меня строго допрашивала.

Видно было, что слова он произносит с большим трудом.

– Сан Саныч, а сердце у вас не болит?

– Нет, только голова и ломает всего. Она уже ставила ему градусник, потом помогла снять пиджак, расслабила галстук.

– Ого, температура 39, 5. Да у вас грипп! Первая волна идет, по радио говорили. Так, сейчас парацетамол, потом чай с лимоном, витамин С, потом полежите.

Он сделал попытку встать.

– Неудобно, я пойду.

– Тихо, тихо, никуда вы не пойдете. Странно, что вы до меня добрались, на улице не упали. Пойдемте, я вам лечь помогу. Бейсик, пошел вон!

Надежда уложила его на диване, сама прикорнула на Аленином кресле-кровати, но почти не спала, – то поила его кислым питьем, то натирала уксусом с водой, то переодевала – нашла в шкафу две старые зятевы футболки. Часам к пяти утра температура спала и он заснул, а в полседьмого зазвонил будильник. Надежда тихонько собиралась на работу. Сан Саныч открыл глаза.

– Вот, устроил я вам ночьку.

– Ничего, завтра уже суббота. Я ухожу, а вы оставайтесь здесь. Напишите заявление на отгул, я вам в стол положу, а вы позвоните потом на работу начальству и скажите, что больны и в поликлинику пойдете.

– Не хочу я в поликлинику, еще три дня, до понедельника все пройдет. Дома отлежусь.

– Ну, как знаете. Но сегодня меня дождитесь, я с обеда отпрошусь и приду. А вы позвоните домой, чтобы о вас не волновались.

– Да никто нигде меня не хватится!

«Так я и поверила, – подумала Надежда. – Рубашка подкрахмалена, воротник не замят, белье не заношено, платки носовые чистые. Ни за что не поверю, что никакая женщина за ним не смотрит!»

Между делом Надежда ловко подхватила Бейсика, пытавшегося прошмыгнуть в комнату, и плотно закрыла дверь.

– Только попробуй у меня орать под дверью и обои рвать. Веди себя прилично, там человек больной, пусть поспит.

Бейсик негодуяще фыркнул в ответ.

На работе Надежда быстренько управилась с делами, подсунула начальнику в стол заявление и ушла с обеда. По дороге потратив часа полтора на магазины, войдя домой, она застала такую картину.

Сан Саныч, поджав ноги, полулежал на диване, укутавшись одеялом, и читал «Двенадцать стульев». Остальные две трети дивана занимал кот. Лежа на спине, вытянув лапы, он крепко спал, демонстрируя всем свое кремовое пузо размером с полковой барабан.

– О, я вижу, вы уже как следует познакомились. Вы ели что-нибудь, Сан Саныч?

– Я – нет, но кота покормил.

– Зачем?

– Ну, он так мяукал и подводил меня то к миске, то к холодильнику. Я там нашел в кастрюле рыбу, котов ведь рыбой кормят, и дал ему.

Надежда заглянула в холодильник.

– Сан Саныч, это же ему на три дня было!

– Он не заболеет? – испугался Сан Саныч.

– Он? Заболеет? Да он вечно всем врет, что голодный. Думаете, я его утром не кормила? Заболеет он, как же, обжора несчастный. Это я с ним заболею.

К обеду Сан Саныч почувствовал себя лучше, поел, как здоровый, на кухне, но после еды еле добрался до дивана и задремал. Надежда, стараясь не шуметь, вымыла посуду, потом погладила белье и, наконец, когда делать в кухне было уже совершенно нечего, осторожно приоткрыла дверь. Он лежал на боку и крепко спал. Кот перебрался на кресло.

– Очень мило! А мне, выходит, и деться некуда.

Она на цыпочках прошла мимо дивана, потянулась за книжкой, уронила будильник – в общем, все проснулись.

– Ох, Надежда Николаевна, надо мне уходить, я вам мешаю.

– Ох, Сан Саныч, очень я вам не советую этого делать. Конечно, удерживать я вас не могу, если вас дома ждут, а так очень бы вам нужно еще полежать. К вечеру может температура подняться.

– Я, конечно, домой звонил, но никто меня там не ждет. Живу я с сыном, у него своя семья, так что я сам по себе.

Неожиданно для себя он рассказал ей, как после смерти жены невестка стала резко требовать разъехаться. У нее комната в коммуналке, она хотела, чтобы он, Сан Саныч, туда переехал. А ему хоть и тоскливо было в той же квартире жить, где жена умирала, но в коммуналке с соседями тоже уже не по возрасту. В общем, отказался он. И теперь невестка с ним не разговаривает, на сына шипит, на внука кричит. Сын отмалчивается, а он виноватым себя чувствует, иногда уже почти готов уступить, да как вспомнит ту дремучую коммуналку, так нет сил согласиться. Так и живут семьей.

«Один, – поняла Надежда, – он совсем один. Господи, как же мужика допекло, если он к ней, Надежде, малознакомому человеку, через весь город потащился!»

Она потрогала его лоб.

– Сейчас лекарство выпьем, потом почитайте что-нибудь.

– Да, я у вас тут нашел «Двенадцать стульев».

– Знаете, я тоже, когда болею, «Двенадцать стульев» перечитываю. Тонус поднимается. Можно еще «Мастера и Маргариту» или Гоголя «Ночь перед рождеством».

– Гоголя я не пробовал.

– Попробуйте, я поищу у Алены сейчас.

– Это ваша дочка там на фотографии?

– Да, и зять, а вы думали, что я старая дева?

– Нет, но...

– Думали, думали! Еще бы: одинокая, вся в работе, да еще и с котом. Кота этого Аленька в позапрошлом году у алкаша какого-то за трешку купила. Я была против, тесно у нас, так она сама его вырастила. Заморенный такой был котенок, а теперь полдивана занимает. Что жмуришься, про тебя говорят, разбойник рыжий. Он по Алене очень скучает.

– А вы?

– И я, конечно, да у нее теперь своя семья. Нашла себе курсанта-морьяка и выскочила замуж, он закончил учиться, теперь они в Северодвинске. К весне должны приехать, я бабушкой стану.

– А жить где?

– Родители хлопочут перевод ему и жилье. Тут уж теперь только мы с Бейсиком будем жить.

У него на языке вертелся еще один вопрос.

– Что, еще про мужа хотите спросить? Давно мы с ним не виделись, с Аленкиной свадьбы.

Потом они пили чай с абрикосовым вареньем, смотрели телевизор и рано улеглись спать, каждый в своем углу. Надежда вырубилась мгновенно, но проснулась среди ночи. Она взглянула на будильник: три часа. Сан Саныч лежал на спине совершенно неподвижно и смотрел в потолок. В глазах, казавшихся совсем черными в полутьме, стояла какая-то мука.

– Сан Саныч, что с вами? Саша! – Она сама не заметила, как оговорилась.

Едва накинув халат, подбежав, она тронула его за плечо. Он очнулся.

– Простите меня, я вас напугал. Пока жена болела, я совсем спать разучился. В это время как раз с трех до пяти она меня по несколько раз будила, а я не могу так: то засыпать, то просыпаться, я совсем не спал. Вот с тех пор так проснусь ночью и жду, что она позовет или застонет, ничего не могу поделать. А сейчас еще мысли всякие в голову лезут по поводу следствия.

Надежда представила, как он лежит так каждую ночь совсем один в темноте, и с тоской ждет и ждет, когда пройдет время, и под утро наконец засыпает, а потом надо вставать на работу, и длинный гнусный день, и на работе неприятности... с ума сойти можно! Она погладила его по голове, он повернулся на бок и прижался щекой к ее руке, как ребенок. На один миг ей захотелось обнять его, поцеловать, а там будь что будет, но усилием воли она отогнала от себя всю эту чушь.

«Спокойно, – сказала себе Надежда, – спокойно, он пришел сюда не за этим. Это он и в другом месте может получить, тем более что вопрос с крахмальными рубашками остается открытым. Он пришел к тебе за помощью, и он ее получит. И без дураков».

Он почувствовал ее настроение, отпустил руку.

– Спасибо, мне уже лучше.

– Сан Саныч, расскажите мне теперь подробно, о чем вас там на следствии спрашивали.

– Ну что, как я понял, родственники Марины пожаловались на того следователя, который дело вел, там у них какая-то внеочередная проверка, начальство устроило разгон, и дело передали в другое место, я там у них не разбираюсь. В общем, прихожу я, сидит в кабинете дама такая представительная, лет пятидесяти, серьги у нее большие зеленого цвета. «Старший следователь Громова», – говорит. А до этого она меня два часа в коридоре продержала, в интересах следствия, наверно. Я, конечно, уже там, в коридоре разозлился, на работу ведь надо! И как взяла она меня в оборот! Показывает официальное заключение из консультации о том, что Марина была беременна, и спрашивает, что вы, я то есть, об этом думаю. Я говорю, ничего не думаю и ничего не знаю.

«А какие у вас были отношения с вашей лаборанткой?»

Я говорю: «Чисто служебные были отношения».

«А почему у вас с ней все время были конфликты? А может быть, вы к ней, так сказать, нерабочий интерес испытывали, а она вам не уступала?»

И смотрит на меня так, прищурясь, что вот, мол, козел старый, взял девочку молоденькую в лаборантки и вязался к ней в кабинете.

Я говорю: «Вы уж что-нибудь одно мне инкриминируйте: если она мне не уступала, то к беременности ее я никакого отношения не имею, а если она мне уступила, то зачем мне с ней тогда ругаться?»

А она тогда тему меняет и спрашивает: «А где вы были, гражданин Лебедев, шестого ноября с семи до одиннадцати вечера?» – прямо как у Райкина, только мне не до смеха.

«Вышел с работы, – говорю, – в пять часов пятнадцать минут, как полагается, человек я одинокий, прошелся по магазинам и к девяти примерно дома был».

«Это, – говорит, – мы у ваших домашних спросим, но даже если и были вы дома в девять часов, то где же вы без малого четыре часа пропадали?»

Я говорю: «В магазинах по очередям стоял, а потом домой пешком шел». Она не верит. И не могу я ей объяснить, что неохота мне с невесткой на кухне лишний раз сталкиваться, я жду, когда они поужинают и уйдут. Я поэтому и на работе все время задерживаюсь, а тут все опечатали. И от болезни будто молот в голове от ее слов стучит.

– Кошмар какой!

– Ну, в общем, отпустила она меня. Идите, говорит, гражданин Лебедев, и не волнуйтесь: мы с вами часто будем встречаться, и процент раскрываемости у меня оч-чень высокий. Вышел я на улицу, в голове гудит, руки трясутся, чувствую, что если не поговорю с кем-нибудь, точно рехнусь. Ну и поехал к вам.

– Да-а, – протянула Надежда, – выражаясь юридическим языком, алиби у вас слабовато.

– А вы бы что подумали насчет того, что я четыре часа до дома добирался?

– Я бы подумала, что вы какую-то знакомую женщину навещали и теперь ее впутывать не хотите.

– Да нет у меня никаких знакомых женщин!

– Нет? А кто же рубашки вам стирает так чисто?

– Да сам я стираю себе рубашки! И белье! И носки!

– Сан Саныч, да вы же уникам! Конечно, я понимаю, жизнь заставляет, но чтобы так чисто, да еще и крахмалить! Да так же не каждая женщина сумеет. У меня с моей бывшей свекровью из-за белья вечно трения были! И постельное белье тоже сами?

– Постельное белье машина стирает, а я сам полошу и подсиниваю.

– Уму непостижимо!

– Да будет вам шутить, Надежда Николаевна, у меня ведь неприятности большие.

– Не расстраивайтесь, Сан Саныч, милый, давайте я скажу, что вы шестого у меня весь вечер были, а хоть бы и всю ночь. Я женщина свободная, кто мне что скажет? И пусть ваша дама в серьгах попробует доказать, что это не так!

– Спасибо, конечно, но это уж в самом крайнем случае.

Надежда стала серьезной.

– Ну, вот что. Насчет того, что вы с Мариной ну... это, так следовательно никогда не докажет. Никто вас вне работы вместе не видел, после рабочего дня никогда вы с ней не задерживались, так что тут даже Полякова ничего придумать не сможет. И потом, даже если допустить, – он сделал протестующий жест, – я сказала: допустить, что она от вас беременна, так зачем вам ее убивать? Человек вы свободный, живете самостоятельно, жены у вас нет, что вам мешает? Ну был бы скандал, ну сняли бы вас с начальников в крайнем случае, подумаешь карьера – начальник сектора! Есть из-за чего убивать! А может, и без скандала, женились бы на ней по-тихому, вот и все.

– Ой, не надо!

– Это было во-первых, а во-вторых, не знаю, как вам, а мне самой интересно разобраться, что же все-таки с бедной Маринкой произошло.

– Еще бы мне не интересно, когда это напрямую меня касается!

– Тогда давайте думать.

– Сейчас, в четыре утра?

– А что, раз вы все равно не спите. Только я замерзла босиком. А если я оттуда из кресла буду кричать, то мы всех соседей перебудим. Слышимость в нашем доме потрясающая.

Она схватила одеяло, завернулась и присела на диван у него в ногах. Пока она возилась и устраивалась поудобнее, он отвернувшись, тихонько улыбался. Ситуация-то двусмысленная, а она ведет себя совершенно естественно. Да, не соскучишься с ней!

– Так вот. Значит, что мы имеем? Пока не будем думать, убийство это или самоубийство, а если убийство, то кто ее убил? Поговорим вот о чем. Девушка найдена мертвой, с беременностью примерно шесть недель. Значит, есть человек, который, простите, ей этого

ребенка сделал. Девушка из довольно приличной семьи, стало быть, маловероятно, что это была случайная встреча в компании там или на даче. Скорее всего, у нее был постоянный друг, правильнее сказать, любовник, с которым она встречалась. Ее близкая подруга рассказала мне, что Марина встречалась с кем-то на работе. Скорее всего, это так, потому что если бы это был кто-нибудь из друзей, многие знали бы, а на улице со случайным человеком Марина знакомиться не стала бы. Значит, будем искать на работе. В институте три тысячи человек, допустим, мужчин подходящего возраста человек пятьсот, да, не слабо получается. Попробуем другим путем. Работала у нас Марина несколько месяцев, около полугода, в командировки не ездила, по профсоюзным путевкам не отдыхала, значит, там ни с кем из института познакомиться не могла. Далее, из молодежи многие отпиваются при комитете комсомола или уже бывшем, как он там теперь называется. И это не Маринкина компания: там они вечно ходят гурьбой, все со всеми у них спят и никто ничего не скрывает. А у нас на пятом этаже всего два отдела, да мастерские, на дверях кодовый замок, так что посторонние к нам не очень-то ходят, только по делу. Молодых людей у нас достаточно, и вот с ними Марина общалась.

– Так, значит, узнать, с кем ее чаще всего видели, тот и есть.

– Э, нет, Сан Саныч, не так все просто. Если бы ее с кем-то часто видели, давно бы уж сплетни пошли. А если даже Полякова с Пелагеей ничего не знают, значит, все чисто.

– Но ведь был же у нее кто-то?

– Был, это точно. А раз никто ничего не заметил, значит, они тщательно это скрывали.

Вернее, не они, а он, ей-то скрывать нечего. А он скрывал, как думаете, почему?

– Потому что женатый человек.

– Верно, но отчасти. Мало что ли женатых мужчин на работе любовниц заводят?

– Ну, может, жена очень ревнивая или боялся развода, детей любит.

– Очень может быть. Значит, в понедельник достану списки обоих отделов.

Лучше взять журналы по гражданской обороне, там и возраст, и семейное положение указаны. И адреса на всякий случай надо выписать. Мужиков из макетной мастерской я не считаю, там одни алкоголики. И вот еще, Оля говорила, что на машине он Марину возил.

– Ну, с этим проще: мужчин молодых с машинами у нас раз-два и обчелся.

– А если у него родительская машина или тещина? Тут надо наших теток расспросить, уж это они точно знают.

– Ну, выпишите вы подходящие фамилии на бумажку, а дальше что?

– А дальше вот что. Вот завел себе женатый мужчина подружку. Бывает, конечно, у людей любовь, за редким исключением, а так у него к подружке интерес только один: постель. Ну, конечно, сводил ее там в театр, в кафе, когда ухаживал, а дальше что? В театр он и с женой ходит: риска меньше. Не в кино же на последнем ряду тискаться, не подростки ведь. Значит, нужно место, где встречаться. Этот вопрос мы пока оставим. Может быть, у Марины они встречались, когда родителей нет, хотя вряд ли. Отец у Марины достаточно строгий, если бы застал их, скандала не миновать, с мордобоем даже. А вот другой вопрос: когда?

– После работы, когда же.

– Ну, Сан Саныч, вы меня простите, но сразу видно, что у вас любовницы никогда не было.

– А почему это вы так думаете? Он явно обиделся.

– Ладно, оставим это. Так вот, вы мне скажите, какая жена, даже не ревнивая, потерпит, чтобы муж после работы где-то шлялся? Ведь она как рассуждает? Вот закончил он работу в пять пятнадцать. До дома добираться нам всем ну максимум час. Плюс пятнадцать минут на сложности с общественным транспортом и покупку сигарет. И в шесть тридцать будь добр

как штык стоять на пороге, тарелка супа на столе, а разогревать обед по десять раз она не обязана!

– А если она сама поздно приходит?

– Тогда теща за ним присмотрит, и он не то что за час, за сорок пять минут до дома доберется!... Так вот, собственно, к чему я веду. Встречались они в рабочее время. А как можно через нашу проходную в рабочее время уйти? Правильно, по увольнительным, это мы уже проходили. По личному делу, по служебной надобности, в местную командировку, в библиотеку – все тут годится! Можно еще пол-отгула взять, но рискованно, жена позвонить может: какой отгул, почему отгул? А так ей в ответ: в местной командировке, и все... Значит, как узнаю я предположительно фамилии, так пойду по этажу гулять и всеми правдами и неправдами просмотрю старые увольнительные. И если найду того, кто хоть раз уходил с Маринкой вместе, значит, он и есть! А чтобы меня все жалели, вы, Сан Саныч, мне почаще замечания на работе делаете, у вас это очень хорошо получается! А вообще-то шестой час уже, я спать хочу, спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Надежда подхватила свое одеяло и отправилась на кресло. Сан Саныч вытянулся, стремясь улечься поудобнее на освободившееся место, но оказалось, что место уже занято котом.

Они проснулись поздно. Он собрался уходить, но Надежда заявила, что без завтрака его не отпустит, а то голова может закружиться от свежего воздуха. Вид у него был получше, только небритый. Надежда сварила геркулес на молоке, он украдкой поморщился, но съел, потом выпил большую чашку кофе с молоком, хотя всегда пил только черный, съел бутерброд с сыром, и только тогда Надежда сжалилась над ним и отпустила. Когда уже стояли в прихожей, Надежда ждала всяких слов благодарности и заранее чувствовала неловкость, но он ничего не сказал, только взял ее руки в свои, поцеловал и вышел. Надежда растрогалась.

– Вот видишь, Бейсик, как люди прощаются, а ты только царапаться умеешь.

Потом она побродила по комнате, бесцельно перекладывая вещи, сама себе удивляясь, после этого взяла себя в руки, вычесала кота, достала пылесос и занялась уборкой. Хозяйственный зуд не прошел и в воскресенье. Надежда решила разобрать шкаф, вытащила ворох одежды, перемерила все юбки и жутко расстроилась. Юбки были безнадежно малы. Ожидая самого худшего, Надежда полезла в кладовку за напольными весами. Весы эти подарил Алене зять Борис непонятно зачем, потому что Алена была тощая, как щепка. Надежда долго искала весы, надышалась пылью, и в конце концов умудрилась запереть в кладовке Бейсика, который уронил там с полки все пустые банки и разодрал старый альбом с фотографиями. Встав на весы, Надежда поняла, что все ее худшие опасения подтвердились, а зловредный Борька еще уверял, что весы показывают на пять килограммов меньше. В результате Надежда легла спать без ужина, долго ворочалась без сна и пришла утром на работу с головной болью и с голодным блеском в глазах.

Сан Саныч сидел в кабинете чисто выбритый и в белоснежной рубашке. Надежда нехотя занялась делами, потом он вызвал ее к себе в кабинет, стал что-то нудно объяснять, увидел, что она не слушает, остановился и спросил, о чем она собственно думает?

– О диете, – честно ответила она.

– О какой диете?

– Английской. Два дня белковых, два дня овощных, разгрузочный день на кефире.

– Да выбросите вы эту чушь из головы!

– Вам легко говорить, – вздохнула Надежда, – вы вон какой худой.

– Вот что, идите, Надежда Николаевна, и займитесь наконец делом.

Надежда сделала обиженное лицо и вышла.

В первом же секторе, у соседей, Надежде повезло. Лаборантка Алла Ивановна с понедельника села на больничный по обострению печени, и у нее за столом тихонько сидела

Лиля Зайцеваева. Вернее, настоящая ее фамилия была Зайцева, а еще раньше до замужества – Берендеева. Лиля Берендеева была в своем роде уникальной личностью. Дело в том, что никто никогда не видел Лилю с чистыми волосами. В любой день недели, в будни и в праздники на голове у нее были не волосы, а какая-то жирная пакля, которая вместе с платьем в крупную коричневую клетку создавала потрясающий эффект. При этом Лиля вовсе не была неряхой, потому что к платью каждый день был пришит чистый белый воротничок. Дамское общество долго не могло разгадать этот ребус, пока Поляковой не пришла в голову мысль, которая была проста как все гениальное. Оказалось, что Лиля устраивает, так сказать, банный день регулярно раз в неделю по пятницам, поэтому к понедельнику волосы уже пачкались. Почему-то мысль мыть волосы чаще просто не приходила ей в голову. В ответ на все доброжелательные и недоброжелательные советы Лиля только улыбалась. Так продолжалось долгое время, пока Лиля вдруг не вышла замуж. Дамы поверили в это только тогда, когда своими глазами увидели, что Лилю регулярно встречает после работы муж – худенький мальчик в очках. Лиля постриглась, выбросила жуткое клетчатое платье и стала наконец похожа на человека. Когда же она принесла паспорт с новой фамилией, случилось следующее.

Зарплату в институте давно уже централизованно считал компьютер. Девочка-оператор внесла в ведомость фамилию Зайцева, забыв стереть фамилию Берендеева, так что после Зайцевой остался кусочек Берендеевой. Получилось Зайцеваева. Новая фамилия понравилась всем, кроме Лили. Отдел потешался два раза в месяц – в аванс и в получку, а на робкие просьбы Лили пойти в бухгалтерию и навести в ведомости порядок, секретарша Зинаида Павловна не уставала отчитывать ее в коридоре глубоким контральто: «Ты будешь десять раз замуж выходить, а я должна бегать!»

С Лилей Надежда управилась довольно быстро: она просто выгребла из ящика все увольнительные, папки и журналы по гражданской обороне и унесла к себе, пообещав вернуть по первому требованию.

В следующей комнате Надежда, как и собиралась, подроспела к одиннадцатичасовому общему чаю. Она очень натурально смутилась, хотела выйти, но ей не позволили и усадили за стол с чашкой. Народ в этом секторе подобрался веселый, начальник был молодой, заводной, Надежду уважал за спокойный характер и неоднократно звал к себе работать. Вернулась из командировки Леночка Костикова, привезла документацию по новому заказу и торт «Птичье молоко». Под общий хохот Лена в который раз начала рассказывать Надежде свою историю.

В Москву должен был ехать Главный конструктор на утверждение важного заказа, но в последний момент что-то там перерешили, Москва колебалась, поэтому Главный не поехал, а в Москву послали Леночку просто привезти документы. Билет был уже заказан, отменять ничего не стали, а так как Главный конструктор по рангу приравнивается к генералу и директору завода, то Лена в первый раз в жизни оказалась в СВ. Придя пораньше, она скромно села в уголке и стала ждать отправления поезда. На второе место явился какой-то плешивый хмырь. Увидев Леночкины опрометчиво выставленные на общее обозрение круглые коленки, хмырь плотоядно улыбнулся и, по выражению Леночки, совершенно потерял человеческий облик. Когда до Леночки дошло, что ей предстоит провести целую ночь наедине с этим типом, она, дождавшись отправления поезда, отважно отправилась по вагону, заглядывая во все купе, с целью найти подходящего человека, чтобы поменяться местами.

– И вот, представляете, Надежда Николаевна, иду я по вагону, везде мужчины такие солидные, все начальники, все с портфелями, и вдруг слышу из одного купе женский смех. Ну, думаю, повезло. Стучусь, там дядька такой крупный и девица шикарная. Я и говорю ей: давайте, мол, поменяемся, чтобы нам с вами в одном купе ехать. А они так друг на друга посмотрели, а потом как захохочут, остановиться не могут, этот дядька покраснел весь, я

думала, вообще задохнется. А я чуть со стыда не сгорела за свою глупость, потом проводник меня пожалел, иди, говорит, в последнее купе, там мужчина с женщиной посторонние едут. И правда, мужчина такой приличный, на вашего Лебедева похож, сразу согласился, собрал вещи и вышел. А зато тетка так на меня посмотрела, что я думаю, уж лучше бы с тем хмырем ночевала, отбилась бы как-нибудь, а так тетка ночью подушкой еще придушит. Ну, сидим, друг на друга смотрим, потом чайку попили, ее как прорвало. Рассказала мне, что живет она вроде ничего, замужем, детей двое, но муж ей изменяет с близкой подругой. И как узнала она об этом, так с тех пор сама не своя и жить не хочется. Разводиться с мужем нельзя, на квартиру они стоят в очереди от его работы, да и зачем же этой стерве, близкой подруге то есть, собственного мужа за просто так отдавать!

И посоветовали ей умные люди мужу изменить, может, полегчает на душе. А где мужика-то найти? Работает она в такой же организации, как наша, подходящих мужчин там мало, все на виду, если что и выйдет, сплетни пойдут – не отмоешься. До мужа дойдет, а ему только повод дай – сразу ее бросит. А тут ее в командировку послали, и такой случай удобный она из-за меня упустила. И так мне ее жалко стало, что хоть обратно к тому хмырю беги! Ни за что больше в СВ не поеду!

Пока все оживленно обсуждали Леночкин рассказ, Надежда тихонько порылась в столе с увольнительными. Какие-то быстренько просмотрела, а одну книжку за сентябрь выпросила с собой, якобы у нее потерялась старая увольнительная и не попала ли к ним случайно, а то теперь в отделе режима новую книжку не дают.

В следующем секторе Надежда застала гробовую тишину. Это было неожиданно, потому что по сведениям Надежды начальник сектора Яков Михайлович Свердлов («Прошу не путать!») – всегда сердился Яков Михайлович, когда его фамилию по привычке называли неправильно), так вот, Яков Михайлович взял две недели за свой счет по уходу за детьми или за внуками, на этот счет мнения сотрудников разделились.

Дело в том, что в жизни Якова Михайловича была большая любовь – его собака сенбернар Манечка. На самом деле у нее было очень длинное иностранное имя, паспорт и родословная, но Яков Михайлович нежно называл ее Манечкой. Манечка успешно заменяла Якову Михайловичу все увлечения, несостоявшуюся карьеру, детей и вообще всех родственников, кроме жены. Говорили, что в молодости он подавал большие надежды, даже с налету защитил какую-то блестящую диссертацию в университете, но потом, естественно из-за национальности, ни в какую приличную контору не попал, а только смог устроиться в институт начальником сектора, по протекции замдиректора Слуцкого, с которым давно приятельствовал и даже дружил домами.

Как всякий нежно любящий отец, Яков Михайлович старался оберегать свое чадо от вредного влияния посторонних собак и безумно ревновал Манечку к ухажерам. Перед Манечкой замаячила перспектива остаться старой девой. В последний год собачий клуб забил тревогу. Якова Михайловича вызвали на комиссию, провели строгую беседу. Был поставлен ультиматум: сейчас или никогда больше! Появился жених – огромный сенбернар, чемпион породы. Скрепя сердце, Яков Михайлович согласился, в глубине души надеясь, что жених Манечке не понравится и он спустит негодяя с лестницы. Но надежды Якова Михайловича не оправдались, ибо, едва увидев из окна, как жених выходит из шикарной иномарки, Манечка радостно гавкнула, а дальше процесс знакомства и всего прочего прошел как по маслу. Через некоторое время стало ясно, что Яков Михайлович скоро станет дедушкой. И тут возникли сложности. Как существа глубоко интеллигентные, жена Якова Михайловича и Манечка относились друг к другу весьма корректно до тех пор, пока Манечка не поняла, что она в интересном положении. Тогда она принялась капризничать, привередничать в еде, а поскольку мужа, который должен был бы удовлетворять ее капризы, не было рядом, все трудности достались на долю Якова Михайловича. Естественно, что терпения жены хватило

ненадолго. Кому, например, понравилось бы, если среди ночи, часа в два, когда самый сон и у вас, и у соседей, вдруг раздастся жуткий вой, а когда вы вскакиваете в холодном поту, хватаясь за сердце, ваш муж, вместо того чтобы хорошенько гаркнуть на эту заразу, укладывает ее в спальне буквально на вашу постель, начинает гладить, шептать ласковые слова (ах, нашей девочке приснился кошмар, ах, спи спокойно, моя лапочка!), а вам остается только, будучи притиснутой к стене, сжимать кулаки в бессильной злобе, имея в перспективе бессонную ночь и утреннюю разборку с соседями.

В результате Манечкиных сюрпризов отношения между ней и женой Якова Михайловича безнадежно испортились, и Манечка дала понять хозяину, что *эта* подойдет к ее детям только через ее, Манечкин, труп, а у нее есть зубы, чтобы постоять за себя и за детей. Примерно в таком же духе высказалась и жена.

Якову Михайловичу пришлось оформлять отпуск за свой счет. Сектор вздохнул свободней. Не то, чтобы Якова Михайловича не любили, нет, в том, что не касалось Манечки, он был вполне нормальным человеком, никому не мешал заниматься своим делом, а тем, кто хотел работать, даже помогал ценными советами, ведь если у человека смолоду голова светлая, то и к пенсии ум никуда не денется. Просто он все-таки здорово достал всех собачьими разговорами и бесчисленными фотографиями. Одна из фотографий, парный портрет размером 18x24, лежала на столе Якова Михайловича под стеклом, и злые языки говорили, что если закрыть у Манечки уши, представить лысину и надеть галстук, то будет вообще непонятно, где Манечка, а где Яков Михайлович. Поэтому все очень обрадовались предстоящим двум неделям отдыха, тем более что заместителем своим Яков Михайлович оставил Валю Голубева, которому все, кроме его персонального компьютера, было до лампочки.

Надежда вошла и удивленно остановилась посреди комнаты. В секторе было уныло, как на кладбище. Все сидели по своим местам и работали. Стол Якова Михайловича был пуст. Надежда в изумлении еще раз оглядела комнату и встретилась глазами с Валею Голубевым. Он подмигнул ей и мотнул головой в сторону. За столом слева сидел новый сотрудник – довольно-таки плешивый дядечка непонятного возраста и наружности и что-то записывал в толстую конторскую книгу. Надежда подошла к Вале и присела на табурет. Валя наклонился к ней и прошептал:

– Ничего не говори, смотри, что сейчас будет.

На руке у дядечки пискнул электронный будильник. Дядечка встал, убрал свою книгу в стол, запер ящик на замок, ключ убрал в карман, одернул пиджачок, сказал сам себе: «Обеденное время, можно пообедать, товарищи!» – и вышел. Надежда разинула рот. Валя захохотал.

– Вот, я говорил, что тебе понравится. Это у нас, Надя, такой новый сотрудник теперь. Прислали из соседнего отдела, якобы для укрепления дисциплины, а бабы наши разузнали, что он просто тупой, дальше некуда, и начальник тамошний перекрестился, когда от него избавился. Вот теперь он у нас трудовую дисциплину повышает.

К Валиному столу подошла лаборантка Светка.

– Валентин Елистратович, – вообще-то все, даже начальство, звали Валю просто Елистратычем, уж больно диковинное отчество, но молодежи он этого не позволял. – Валентин Елистратович, – ныла Светка, – вы скажите ему, что нам Яков Михайлович разрешает чай пить два раза в день и сам пьет, а то я же не могу, когда он на меня так смотрит, я же подавиться могу, я уже все тяжелые и режущие предметы подальше в стол убрала, а то я в него чем-нибудь кинуть могу. А третьего дня я сижу, конспект переписываю, а он подкрался сзади, да как крикнет: «А чем это вы занимаетесь в рабочее время?» – ведь это же заикой можно на всю жизнь остаться...

– Светлана, прекрати истерику! – рывкнул Валя, но потом смущенно хмыкнул. – Ой, девочки, я и сам его боюсь. Вчера стоим в курилке, обсуждаем последнее распоряжение

директора, что электричество будут на два часа отключать для экономии, я и говорю ему: «Пал Палыч, придется вам ваши часы электронные тоже отключать на два часа», – а он посмотрел на люстру, потом на свои часы и говорит: «Мои часы имеют автономный источник питания, от их выключения не будет никакой экономии». Я так растерялся и говорю: «Пал Палыч, я же пошутил». А он мне: «Я очень требовательно отношусь к юмору. Между юмором и глупостью две большие разницы».

– Да, – протянула Надежда, – что уж тут скажешь. А что он все пишет-то?

Валя оживился.

– А это вопрос особый. Вот как пришел он к нам почти неделю назад, сразу стал что-то записывать и пишет, и пишет, а тетрадь запирает, и ключ где-то прячет.

Ну, нехорошо, конечно, но уговорили меня девчонки, подобрал я ключ в слесарке, вчера вечером он пораньше ушел, открыли мы ящик, а в тетради написано, ну, например, Голубев В. Е. ушел тогда-то, пришел тогда-то, отсутствовал столько-то минут. И так про каждого, и на каждый день отдельный список.

– Так он что, начальству стучит?

– Да нет, похоже, для себя, для души. Светка вступила в разговор.

– А Зинаида Павловна у экономистов была, так у них слухи ходят, что когда Яков Михайлович на пенсию уйдет, то этого начальником поставят.

Валя присвистнул.

– Ну, я тогда сразу увольняюсь!

– Да, а как у Якова-то. Родила собачка? – спохватилась Надежда.

– Родила четверых, он весь в счастье, имена подбирает на букву «ф». Двоих уже назвал: Фенимор и Филомена. Мы вот думаем, подарок покупать или не надо? Собака все-таки, не человек.

– Ну, не знаю, по мне, так обойдется. Да, Светик, можно мне увольнительные посмотреть, у меня одна где-то гуляет, не у вас ли?

– Ой, да берите что хотите, Надежда Николаевна. Если этого козла начальником сделают, гори оно все синим огнем!

До четверга Надежда переделала множество дел. Она обошла все комнаты на их пятом этаже, где ценой невероятных усилий ей удалось добыть нужную информацию. Она сплетничала, жаловалась на начальника, литрами пила чай и обсуждала фасоны вязаных изделий. К концу недели в глазах рябило от фотографий детей и внуков, а количества съеденных с чаем булочек, пирожных и домашних пирожков хватило бы, чтобы кормить среднестатистическое семейство домашних мышей десятков лет. По совету Сан Саныча Надежда для пользы дела решила махнуть рукой на диету, но когда в пятницу утром она спросонья наступила на весы, оказалось, что она не только не поправилась, а даже похудела на полтора килограмма. Несколько удивившись этому обстоятельству, Надежда решила не пытаться объяснить необъяснимое.

В общем-то, проникшись к Надежде сочувствием, лаборантки шли ей навстречу и позволяли искать в документах все, что ей надо, особенно не интересуясь подробностями, только одна старая гримза Нинель Аркадьевна, которая славилась по всему институту маниакальной любовью к порядку, не только не разрешила вынести папки и журналы, а даже в руки их не дала и только после всяческих уговоров и унижений разрешила просмотреть увольнительные, причем перелистывала их сама, после чего Надежда долго чувствовала себя Штирлицем.

С начальником в эти дни она почти не общалась, хотя часто ловила на себе его задумчивый взгляд.

Проделав за четыре дня эту титаническую работу, в четверг вечером Надежда решила подвести итоги. Опять они с Сан Санычем остались одни, все уже ушли.

– Вот, послушайте, Сан Саныч, отчет о проделанной работе.

Она протянула ему листок, где аккуратно были выписаны четыре фамилии.

– Итак, я искала мужчину, достаточно молодого, но не мальчишку. По нашим предположениям он должен быть женат, иметь детей или очень вескую причину, чтобы бояться развода, предположительно иметь машину и, чтобы его уходы по увольнительным хотя бы раз совпали с уходами Марины. Хочу оговориться, что в списке они у меня идут не по степени подозреваемости, а просто по порядку. Первый, Юра Кравченко. Ему тридцать четыре года, раньше служил морским офицером, но демобилизовался по здоровью без выслуги, говорят, что-то у него с сердцем. Но по виду мужчина здоровый, симпатичный, выправка военноморская осталась еще. Служил он на Севере, значит, деньги были. На работу ездит на своей машине, на «Жигулях». У него жена, две девочки-двойняшки. За юбками не бегает, со всеми вежлив, но кто его знает? Второй, Валерик Поляков. Этот помоложе, двадцать семь лет ему. Живет с женой и сыном у тестя с тещей. Судя по всему, он у них у всех здорово под каблуком, так что просто из духа противоречия мог с Маринкой роман закрутить. Сам он бедный, но у его родителей машина есть, и летом он даже на ней на работу иногда ездит, когда вечером надо родителей на дачу везти. Вообще-то, парень хороший. Дальше, третий номер, Андрей Рубцов. Двадцать шесть лет, дорабатывает три года после института. Этот какой-то непонятный. Красивый очень, ну вы сами видели. Женат, детей нет пока. Бабы сплетничали, жена старше его. Живут с родителями жены, тесть какой-то крупный начальник чуть ли не в Смольном. Живет близко, так что на работу ходит пешком, но машина есть, и говорит, что своя собственная. Этот мне не нравится, но зачем ему Маринку убивать? Детей нет, жена старше его, что за нее цепляться. Ну, посмотрим. И, наконец, четвертый номер, Лешка Аристов. Этот, вообще-то, балбес. Бабник жуткий, то ли у него третья жена, то ли четвертая, и никто уже не знает, в каком он состоянии на данный момент находится. Над ним уже мужики смеются, говорят: «Зачем о каждом своем романе ставить в известность государство?» Машина у него, «Москвич» старенький, сам собрал из ничего, руки-то золотые. Конечно, не подходит он Маринке, но по увольнительным выходит, что два раза они пересекались... Вот, Сан Саныч, все мои результаты на сегодняшний день, а теперь хочу сказать вам, что нахожусь в отвратительном настроении, и тому есть две причины. Во-первых, противно мне было вынюхивать, выспрашивать, про вас гадости говорить, чтобы до документов добраться. А еще противнее считать хороших ребят чуть ли не убийцами.

– Но вы же сами говорили, что один из них к этому делу причастен.

– Да, говорила, но это только один из них, а остальные-то нет! А потом, если он ей даже ребенка сделал, это же не доказывает, что он – убийца! А вот вам и другая причина: я в тупике. Не знаю я, что с этими фамилиями делать. Формально, каждого можно подозревать, но ведь надо одного выбрать! И что вы мне теперь посоветуете?

Он помолчал, подумал.

– Как-то ничего существенного в голову не приходит.

– Ну вот, столько бегала, одного чаю выпила бочку, а вам ничего в голову не приходит, неужели никаких мыслей нет?

– Да как вам сказать, мысли-то у меня есть, да только не знаю, понравятся ли они вам.

До Надежды наконец дошло, к чему он клонит, и она очень удивилась.

– Ну, говорите, я вас слушаю.

– Знаете, я вас толком и не поблагодарил за то, что вы со мной, больным, все выходные возились. Тогда я плохо соображал, все как в тумане было, а вот... – он замаялся, – завтра пятница, мне бы хотелось, только не сочтите меня назойливым, не могли бы мы встретиться в спокойной обстановке, посидеть, поговорить, только не про это все, а так, вообще. – Он перевел дух и церемонно добавил: – Конечно, если у вас на этот вечер не предусмотрено никаких особенных планов.

«Нет, – подумала Надежда, – никаких особенных планов у меня на вечер пятницы не предусмотрено, маму я навещаю по субботам, можно, конечно, пойти в гости к приятельнице Алке, она давно зовет, обижается даже, да у нее полная квартира народу: муж, сыновья взрослые, кот, собака и еще попугая завели. Кот ловит попугая, попугай дразнит овчарку, овчарка миролюбивая, но однажды не удержалась и сцапала попугая, еле вытащили из пасти помятого, но живого. С тех пор его держат на кухне в клетке, а он там радио наслушается и кричит: „Какой кур-р-рс? Все подор-р-рожало!“ У сыновей из комнаты музыка будет целый вечер орать, они, вообще-то, ребята хорошие, да уж больно шумные. Нет, в пятницу вечером надо как-то поспокойнее время проводить».

Она посмотрела на Сан Саныча очень внимательно. Он смущенно улыбался, но глаза не отводил.

«Смешной какой! Стесняется, как будто мы школьники. Ну что ж, похоже, что выбора у меня никакого, никто в очереди не стоит, чтобы со мной этот вечер провести, посмотрим, что из всего этого выйдет!»

– Хорошо, Сан Саныч, приглашаю вас на ужин в пятницу, часам к семи.

– А я бутылку вина могу принести.

– Ну ладно, только сладкого ничего не надо, видеть его не могу, за эту неделю на год вперед наелась! И с работы поедем порознь, а то Полякова меня со свету сживет.

Он пришел в пятницу вечером с вином и цветами. Надежда недолго раздумывала, что приготовить: с продуктами нынче не разбежишься, запечь мясо в духовке с луком, сыром и майонезом, на гарнир – жареная картошка и еще овощной салат, для первого раза сойдет. Она тут же поймала себя на мысли: а что, будет и второй? Но время поджимало, раздумывать было некогда, надо было еще успеть привести себя в порядок.

Ему все понравилось, а может, хвалил из вежливости. За ужином они вели светскую беседу о погоде, о кулинарии, о книгах, он оказался весьма начитанным и сказал, что дома у него большая библиотека, в общем, вечер проходил в культурной, дружественной обстановке. За разговором они как-то незаметно выпили бутылку вина, и Надежда не то что запьянела, а так, повеселела. Он все чаще останавливал на ней взгляд темных глаз и ей даже показалось... но она решила, что показалось. Пока она после ужина мыла посуду, он ходил по комнате, погладил Бейсика, включил телевизор. Видно было, что он нервничает. Надежда долго гремела посудой на кухне, наконец закончила мытье, пришла в комнату, села на диван и выжидающе уставилась на него.

– Надежда Николаевна, – начал он, сделав над собой видимое усилие.

– Бога ради, Сан Саныч, называйте же наконец меня только по имени, как все, а то я каждый раз вздрагиваю и не пойму, где я нахожусь: то ли на производственном совещании, то ли на профсоюзном собрании.

– Хорошо, я попробую. И вообще, поздно уже, я, пожалуй, пойду.

– Сан Саныч, вам же не хочется уходить!

– А что, очень заметно?

– Заметно. И давайте уж, решайтесь на что-нибудь, я же не могу вас сама в постель тащить! Все равно же этим кончится, ведь мы же не дети, все-таки!

Совершенно произвольно выкрикнув эти слова, Надежда ужаснулась, что это с ней, лишнего выпила, что ли? Он стоял, отвернувшись к окну, разглядывая темный двор. Надежда подошла, положила сзади руки ему на плечи.

– Простите, меня вся эта ситуация очень нервирует, я сама не знаю, что говорю.

Он повернулся, резко прижал ее к себе.

– Я хочу остаться с тобой.

– Я тоже.

Когда Надежда вернулась из ванной, он ждал, накрывшись простыней и беспокойно блестя глазами. Она присела на диван и почувствовала, что он очень напряжен и неуверен в себе. Она погладила его по плечу.

– Все будет хорошо, милый, я же все-таки не старая дева.

Он гладил ее по лицу и на ощупь почувствовал, что она улыбается.

– Ты что?

– Оказывается, мы с тобой не так уж много и подзабыли, кое-что еще помним.

– Если бы не ты... У меня, знаешь, после смерти жены постель только с болезнью связывалась. Как вспомню все эти судна, грелки – ох! Тогда и стирать научился.

– Ну неужели потом ни одна женщина на тебя глаз не положила? Ведь уже два года прошло.

– Ну да, там где раньше я работал, прямо прохожу не давали одинокие тетки. Одна особенно, то в театр зовет, то в гости приглашает. Уже хотел сдаваться, хорошо тут она уволилась.

Он сказал это и обмер: не примет ли она сказанное на свой счет, не обидится ли? Нет, не обиделась, развеселилась даже.

– Так значит, ты поэтому, когда к нам пришел, был такой необыкновенно противный? «Надежда Николаевна, в восемь пятнадцать вы должны быть на рабочем месте», – передразнила она.

– Опоздывать нехорошо.

– А спать с сотрудницей хорошо? – рассмеялась Надежда.

– Хорошо, – неожиданно серьезно ответил он, – очень хорошо.

Он все-таки проснулся среди ночи. Она спала, уютно посапывая ему в плечо. Он пошевелился. Пушистая морда ткнулась ему в руку, требуя погладить и пустить на диван. Он прислушался к себе. Не было привычной тоски, а так, просто разные мысли текли неторопливо. Он заснул под тихое мурлыканье Бейсика.

В субботу утром, проснувшись и не открывая глаз, Надежда почувствовала, что на нее кто-то смотрит, и было как-то неудобно на диване, тесновато. Окончательно придя в себя, она так и не решилась открыть глаза.

«Что же делать, у меня физиономия, наверное, полный кошмар, тушь вчера не смыла, все небось размазалось. Сейчас он посмотрит, ужаснется и уйдет. А потом на работе будет шарахаться в сторону при встрече, и всем будет неудобно. И как это меня вчера угораздило? Все, надо глаза открывать, он же знает, что я не сплю».

Он улыбнулся ей ласково и погладил по щеке.

– Доброе утро, милый! – Надо же что-то сказать, а теперь быстро в ванную к зеркалу.

Физиономия действительно была так себе. Надежда умылась, разгребла волосы расческой, припудрила нос. Ну что делать, лучше уже не станет. Она заглянула в комнату. Он возился на диване с котом, и Бейсик позволял ему все, что позволял только Алене, и то, когда был маленьким котенком. Увидев Надежду, Сан Саныч привстал и поманил ее к себе.

– Я кофе сварю, – крикнула она уже из кухни.

– Мне вставать?

– Лежи, я принесу.

С дивана доносилось непонятно чье урчанье, они были явно довольны обществом друг друга. Он принял из ее рук кофе, посмотрел как-то странно, потом сказал, глядя в чашку:

– Знаешь, мне никто никогда кофе в постель не приносил.

«Сейчас выпьет кофе, извинится и уйдет, – думала Надежда. – Издалека начинает».

Она сама не знала, чего ей больше хочется: чтобы он ушел или чтобы остался еще ненадолго. Однако он почему-то не ушел даже после завтрака, и всю субботу они были заняты друг другом. Надежда выбросила из головы все мысли о расследовании, что-то готовила на

кухне, смеясь и напевая, кормила его чуть ли не насильно четыре раза в день, и они даже в магазин ходили вместе, как пенсионеры. Однако на следующее утро натура взяла свое. Заметив, что она задумчиво рассматривает пейзаж за окном, он сказал:

- Вижу, ты что-то надумала, давай рассказывай.
- Знаешь, давай съездим посмотрим на тот дом, где Марину нашли.
- Ты думаешь, это что-то даст?
- Ну давай попробуем, погода сегодня неплохая.
- Я точного адреса не знаю, это где-то у Сенной, Апраксин переулок.
- Поедем, поищем на месте.

Они поехали на метро, потом долго блуждали переулками, наконец отыскали заброшенный дом за забором. Они обошли вокруг, забор был сплошной. Надежда приуныла.

– Ну и что теперь?

– Послушай, – он был очень взволнован, – послушай, это же наше общежитие, нашего института, где я учился, ну, Физмеха нашего. Я сто лет тут не был, думал, что давно его снесли. Там еще тогда крыша текла и все трубы проржавели, а на кухне крысы бегали величиной с собаку. Девчонки ночью даже в туалет боялись ходить.

– И что же из этого следует?

– Да понимаешь, вон видишь дом с левой стороны вплотную к этому? Там чердак сплошной на все парадные, а потом окошко слуховое, два шага всего по крыше, и можно в общежитие перелезть, тоже на чердак. Мы раньше, бывало, засидимся поздно и, чтобы девчонок не подводить – после двенадцати ведь комендант ругается, – через этот ход всегда выходили. А приятель мой, Пашка Соколов, девчонка у него была из Воронежа, тоже, кстати, Надей звали, так он и жил тут. Перед двенадцатью, когда обход, он вылезал на крышу, а потом обратно залезал. Год целый так мучился, представь себе, в любую погоду ведь надо было на крышу лезть. Однажды зимой чуть не свалился спросонья. У него родители на женитьбу не соглашались, так он из дому ушел. Потом уж, когда ребенка они ждали, согласились родители, комнату им снимали. Так у него прямо условный рефлекс был первое время: в двенадцать часов просыпается и идет куда-то. Жена его веревкой к кровати привязывала. Они и сейчас вместе живут, я тебя как-нибудь познакомлю. И знаешь, что интересно? Комендант ведь знал про это и что только не делал: и замки, и решетки на дверь, а только все это держалось один-два дня, не больше. Так он потом рукой махнул.

– И долго так продолжалось?

– Да все время, пока тут студенты жили.

Надежда заметила старушку, которая брела в наступающих сумерках, глядя себе под ноги.

– Скажите, пожалуйста, этот дом давно на капремонте?

– Этот? Да, почитай, шестой год уже. Да какой капремонт! Стоит дом пустой, там одно хулиганство. Вот девушку недавно убили.

Они повернули домой.

– Значит, завтра, Саша, сходи, пожалуйста, в отдел подготовки кадров, придумай что-нибудь и попроси списки людей за последние десять лет, кто в вашем Физмехе учился. Ты начальник, тебе скорее дадут. Юру Кравченко уже сейчас можем исключить, он мореходку кончал.

Надежда воспрянула духом, во-первых, появился хоть какой-то лучик света, а во-вторых, она была довольна, что симпатичный воспитанный Юра Кравченко оказался ни при чем.

– Но уж теперь точно: если один из этих троих в Физмехе учился, значит, это и есть тот, кого мы ищем.

Они расстались в метро. Бейсик встретил Надежду в прихожей вопрошающим мямом.

– Все, Бейсик, опять мы с тобой одни. А ты, я вижу, не рад? Тебе Сан Саныч понравился? Ну, не горюй, я думаю, мы с тобой еще не раз с ним встретимся.

Зазвонил телефон. Сан Саныч сказал, что все в порядке, все его домашние ушли в гости, а в пятницу, оказывается, опять пришла повестка к следователю. Явка в понедельник. Затем он поинтересовался, как у нее дела, как будто они расстались не всего час назад. Надежда было удивилась, а потом сообразила, что за многолетнюю и, надо думать, благополучную семейную жизнь, он так привык заботиться о своих близких, что двух лет одиночества было недостаточно, чтобы отучить его от этой привычки.

– Все хорошо, только Бейсик по тебе скучает.

– А ты?

– Ну, я тоже немножко.

– А я – очень сильно.

«Врет, конечно, – подумала Надежда, – но все равно приятно».

В понедельник с утра в институте появился опер – знакомый Поляковой. Он ходил по коридорам, что-то высматривал, расспрашивал народ о пустяках и вообще вел себя довольно странно. В ответ на поляковские заигрывания с целью получения информации, он был нем и глух, и общество решило, что ему, по выражению Пелагеи Никитичны, «начальство сильно хвост накрутило». Однако Надежде показалось, что молодой человек ходит по институту с какой-то целью. И действительно, Сан Саныч, вернувшись от следователя, рассказал ей, что грозная дама, которая в этот раз была в форме, поэтому зеленых серег не полагалось, разговаривала с ним уже помягче, больше не заостряла внимания на его отношениях с Мариной, а расспрашивала его о Марининых знакомствах, о сотрудниках, с которыми она общалась. В этом Сан Саныч ей помочь никак не мог.

– Хотел я ее к тебе переадресовать, похоже, что они там тоже решили Маринино халаля искать.

– Ой, что ты, меня уж не впутывай, пусть они там сами разбираются.

– Да что они там найдут, они же не догадаются увольнительные использовать для поисков. Это только тебе в голову пришло.

– Потому что я тут двадцать лет работаю и всю нашу систему знаю изнутри, а постороннему человеку ни за что не догадаться. Вот скажи, какой нормальный человек признается, что он служебные увольнительные берет для встречи с любовницей? Ведь это же совсем дураком надо быть. А начальство-то, конечно, догадывается, но доказать ничего не может. Так что милиции тут ничего не светит.

Тут Надежда заметила, что она уже очень давно сидит в кабинете Сан Саныча и ей совсем не хочется уходить и приниматься за работу, призвала саму себя к порядку и отправила начальника в отдел подготовки кадров.

Сан Саныч долго препирался с тамошними тетками из-за списка, пришел в комнату взвинченный, кивнул Надежде на ходу: «Зайди ко мне», он так и сказал: «Зайди!», и хлопнул дверью кабинета. Надежда пошла по проходу, спиной ощущая косые взгляды. Он сидел за столом сердитый.

– Как тебе удается с ними со всеми ладить? Целый час меня мурыжили: «Зачем вам? Да для чего?»

– Ну, сказал бы им комплимент какой-нибудь.

– Какой еще им комплимент? Сидят там, по бокам с кресел свисают. Комплименты им еще говорить!

– Ну, не ворчите, Сан Саныч, давайте сюда список. Ого, оказывается сколько народу у нас из Физмеха, и Лена Костикова, а я и не знала! Так, и получается у нас опять полная неудача. Никто их этой четверки в Физмехе не учился. Валера после ЛИАПа, Рубцов –

ЛИТМО закончил, а Лешка – вообще вечерний ВТУЗ, я вспомнила, что он после армии. А про Юру я уточнила, он училище имени Фрунзе кончал.

– А ты, я гляжу, не очень-то и расстроена?

– Да знаешь, я вчера ночью не спала и все думала: не может быть все так просто. Наверное, это совсем другой человек.

Оля говорила, что этот хахаль Маринкин был если не богатый, то обеспеченный, а кто из этих молодых парней обеспеченный? Надо, наверное, кого-то посolidнее искать, из начальства что ли. Вот я вчера вдруг и вспомнила, что когда в августе в соседнем отделе секретарша в отпуск уходила, Лисицын нашу Марину взял. И недели три она у него работала и, между прочим, в одном кабинете с ним сидела.

– Ну уж ты прямо на человека с подозрениями, она и у меня в кабинете сидела.

– С вами, Сан Саныч, мы вроде бы все выяснили, между вами и Лисицыным разница довольно большая. Во-первых, он помоложе, ему еще сорока нет, для молодой девушки это очень существенно. Во-вторых, машина у него новая, хорошая, подвозил он Маринку, люди видели, а в-третьих, уж такой он интересный, что даже у меня иногда дух захватывает на него глядя.

– Ну все у тебя красавцы, и Рубцов, и этот.

Сан Саныч надулся, смотрел сердито, но Надежда сделала вид, что не замечает.

– Не скажите, Сан Саныч, это совсем другое дело. Рубцов рекламный такой красавчик, а в этом что-то такое есть, за душу берет...

– Да что вы, женщины, в нем находите?

– Вам не понять, Саша, да не смотри ты на меня волком, я еще не такая старая, чтобы интересоваться мужчинами моложе себя. Это я нарочно его хвалю, чтобы тебя подразнить. Ладно, я пойду поразмышляю на рабочем месте, пораспрашиваю наших дам. Да, Сан Саныч, вы уж меня на работе на «вы», пожалуйста, называйте и виду не показывайте, что мы с вами близко знакомы, а то доверия мне не будет и никто ничего не расскажет.

– Виноват, больше не повторится. Она вышла. Сан Саныч вспомнил прошедшие выходные.

«Ну и ну! Это она называет близко знакомы!»

Надежда раздумывала недолго. Во вторник она собрала документацию по небольшому заказу, где начальник соседнего отдела Сергей Петрович Лисицын числился главным конструктором и отправилась к нему в кабинет за подписью. Зная, что человек, подписывающий документы, читает только последние строчки, она умышленно сделала в них несколько вопиющих ошибок.

– Сергей Петрович, можно? – Она открыла дверь кабинета.

Он сухо кивнул, взял бумаги, достал ручку. Подписывает, неужели не заметит, ох, эти начальники, любую лажу можно им подсунуть! Вот схемы, ну обрати внимание, лопух, ведь фамилию твою везде неправильно написала: Лисицин – через «и»!

Так, заметил, кажется, смотрит, как баран на новые ворота. Надежда набрала воздуха и затараторила:

– Ой, простите меня, Сергей Петрович, ну надо же так ошибиться, это у меня заскок какой-то, двадцать лет в институте работаю и такое вдруг! А у вас-то какой глаз! Такую мелочь – и сразу заметили. Штампы обычно вообще никто не читает.

Так, подействовало, голову поднял, заулыбался.

– Неужели, Надежда Николаевна, уже двадцать лет вы у нас работаете?

– Да, вот как раз двадцать лет назад институт закончила, ЛЭТИ, и сразу сюда по распределению.

Он замолчал, видно подсчитывал в уме ее годы.

– Ну, если бы вы не сказали, я бы ни за что не подумал, что двадцать лет.

– Ох, что вы, годы есть годы, а вы случайно не в ЛЭТИ учились?

– Нет, я Физмех закончил.

– Физмех? – Надежда мысленно встала в охотничью стойку. – Сергей Петрович, я зайду к вашим девочкам тут рядом и исправлю, чтобы со всем этим к себе не тащиться.

– Не беспокойтесь, Надежда Николаевна, документы можете пока тут оставить, да не переживайте вы из-за ерунды, все бывает.

Вот, что значит, вовремя человеку польстить!

Надежда захватила свои рулоны и отправилась в соседнюю комнату. Там ей выделили стол рядом с Таней Стекловой, которая даже предложила Надежде свою помощь.

– Спасибо, а что это ты, Таня, бледная такая, не видно тебя давно, болела, что ли?

Таня как-то странно поглядела на нее и вышла из комнаты. Дамы окружили Надежду.

– Да ты что, Надежда, не знаешь ничего? Она же беременная, пятый месяц, на сохранении лежала, с понедельника только вышла, все уже знают, даже начальник отделения Владлен Иваныч.

Надежда расстроилась.

– Ой, ну надо же, а я-то после Владлена Иваныча узнаю! Так она же вроде не замужем, зачем же она?

– Здравствуйте, пожалуйста, ты как с луны свалилась! Она же с нашим Лисицыным! Он сейчас как раз с женой разводится, а потом на ней женится, уже у нее живет, они на работу вместе, с работы вместе.

– Ну и ну, как же она эдакого мужика у вас под носом перехватила, а вы-то куда смотрели?

– А они по-тихому, а потом смотрим – она уже того, а у него от первой жены детей нет, вот он и решил на Татьяне жениться.

Надежда быстро закончила свои дела, подписала бумаги у Лисицына и пошла к себе, не переставая удивляться. Да, придется Лисицына исключить, две беременных на одного человека – это многовато, а то получается не Лисицын, а племенной производитель какой-то!

В среду утром у лифта сошлись трое: Надежда, Андрей Рубцов и Лена Костикова. Надежда подбежала последней и заметила, как отчужденно стоят эти двое и смотрят в разные стороны. Лена ей нравилась, а Рубцов – не очень, поэтому Надежда забеспокоилась. В полном молчании доехали они до пятого этажа, Рубцов пошел к себе, а дамы задержались в коридоре у раздевалки. Вопреки своим правилам не вмешиваться в чужую жизнь, Надежда спросила у Лены:

– Что это вы с Рубцовым, поссорились?

Лена не смутилась, не покраснела, что было хорошим признаком. Она спокойно посмотрела Надежде в глаза.

– А я вообще его не люблю, еще с института.

Надежда пошла было к себе, но остановилась на полдороге.

– Как с института? Вы же в разных учились, он же из ЛИТМО!

– ЛИТМО-то ЛИТМО, да только перевелся он туда с четвертого курса. А первые три года учился он у нас в Физмехе, и были мы с ним в одной группе.

– И тогда он тебя обидел?

– Да нет, Надежда Николаевна, я там, можно сказать, вообще не при чем. Это длинная история и некрасивая, только не со мной она произошла. Неохота мне рассказывать.

– Вот, значит, как, а я думала, что он из ЛИТМО. И никому он не рассказывает, что переводился?

– Не только не рассказывает, а даже когда мы с ним здесь встретились, он специально просил меня, чтобы я никому не говорила, неудобно ему, видите ли. А мне наплевать, что ему неудобно, просто сплетничать не хочется.

Надежда понеслась к Сан Санычу, благо он уже был в кабинете.

– Послушайте, Сан Саныч, все-таки получается у нас Андрей Рубцов. Учился он в вашем Физмехе лет пять назад, а общежитие закрыли шесть лет назад. Значит, на первых курсах мог там бывать и знать про чердак.

– Постой, выходит, что он нарочно Маринку туда завел?

– Не знаю, Сан Саныч, что-то мне страшновато делается от наших предположений. Ну, завтра опять пойду все сплетни собирать, теперь уже конкретно про него одного.

На следующий день с утра у соседей слева в секторе, где работал Рубцов, раздался визг, грохот и звон посуды. Сотрудники высыпали в коридор и заглянули в открытую дверь. При виде дам, стоящих на столах, как статуи в Летнем саду, только эти были одеты и раскормлены, и начальника, бестолково тыкающего шваброй под шкаф, все-все поняли: опять мышь. Мышь жила в этой комнате давно, была заслуженным опытным сотрудником, можно сказать, ветераном института. Питалась она остатками бутербродов и печеньем, которое добывала в ящиках стола, а на людях появлялась нечасто, раз в месяц, чтобы не давать забыть о себе, как кентервильское привидение. На такие глупости, как мышеловки, мышь просто не обращала внимания.

Доведенные женским визгом до белого каления, мужчины пошли на крайние меры: был приглашен кот. Кота отыскивали в институтском дворе, где он отпивался возле черного хода столовой, и подманили колбасой. Поскольку кот не проявил никакой особенной прыти в поимке мыши, мужчины, посоветовавшись, решили запереть его в комнате и оставить на ночь. Можно только удивляться, что среди пяти человек не нашлось ни одного котовладельца, который объяснил бы им последствия этого поступка. Естественно, что во дворе жил не домашний кастрированный пуфик, а взрослый здоровый уличный кот. Поэтому, придя утром, сотрудники обнаружили, что кот, во-первых, нагадил начальнику в тапочки, и, во-вторых, пометил свою территорию как всякий уважающий себя кот мужского пола. Вдобавок мерзкое животное из чисто хулиганских побуждений объело все комнатные цветы, в том числе и гордость всего отдела – цветущую розовую азалию. Пока ахали и охали, кота и след простыл. Нужно было спасать положение. Загаженные тапочки выбросили и скинулись на новые. Котом воняло изо всех углов, попрыскали духами, открыли форточки, но только выстудили комнату, ведь дело было зимой, летом мышь вообще не появлялась, наверное, выезжала на дачу. Поскольку труп мыши обнаружен не был, оставалась слабая надежда, что кот поймал ее и съел ночью с голодухи. Начальнику понравились новые тапочки, и все бы обошлось, но именно в этот день в институт прибыла какая-то комиссия из министерства: военпреды, заказчики – и вся эта толпа во главе с начальником отделения приперлась в сектор смотреть новый опытный образец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.